

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ: ПРАГМАТИКА РИТУАЛА

Стаття надає зіставний аналіз комунікативної ситуації ритуалу та дидактичного тексту з точки зору реалізації в них прагматичної функції. Особлива увага приділяється актуалізації елементів хронотопного та характерологічного контекстів в термінах комунікативістики.

Ключові слова: комунікативна ситуація, ритуал, дидактичний текст, прагматика, хронотон, характерологія.

The article deals with the comparative analysis of ritual and didactic texts from the point of view of pragmatic function realization. The elements of time and space system, doers of action are foregrounded in terms of communicative study.

Key words: communicative situation, ritual, didactic texts, pragmatics, time and space system, doers of the action.

Прагматекст – это такой тип текста, который рассчитан на действие и в пределе – на изменение поведения адресата. При этом реакция действием может быть непосредственной или дистанцированной во времени и пространстве. Другими словами, прагматекст рассчитан на побуждение к действию, причем к такому действию, которое необязательно соответствует желаниям адресата, но обязательно вписывается в установку адресанта. В случае если программа адресанта и адресата совпадает – ответное действие не насильственно, однако, в случаях несовпадения установок или программ ответное действие приобретает характер прессинга.

Цель данной статьи – рассмотреть специфику прагматической заданности коммуникативной ситуации ритуала и дидактических текстов с применением элементов хронотопа и характерологии в рамках лингвистики и теории коммуникации.

Рассмотрим параметры, задействованные с точки зрения коммуникации, высшей формой которой является ритуальная коммуникация. Предположим, что автором программы выступает адресант гипотетически не равный адресату, а обладающий какими-то преимуществами. Отметим, что преимущества относятся не обязательно к сфере власти, богатства, а, например, знания как в дидактических текстах, хитрости - как в магических заклинаниях, в которых по одну сторону мощь духов и стихийных сил, но по другую – ведания и хитрость человека, знающего как построить этот текст для достижения максимального воздействия на аудиторию. В любом случае, предполагается, что у адресанта есть нечто, что может заставить адресата действовать в нужном направлении. В учебном тексте есть целый ряд приоритетов у учителя (приоритет образовательный, возрастной), что можно в целом свести к приоритету знаний. В принципе не важно, что учитель старше ученика, важно, что он опытнее, умелее и, в конечном итоге, он предоставляет знания.

Магический текст работает по принципу дидактического текста с одной лишь разницей в адресанте. Дидактический текст работает при паре обучающий – обучаемый, а магический прагматекст работает при паре – заклинающий-заклинаемый. Конкретные варианты адресатов и адресантов предполагают разные преимущества со стороны тех, кто направляет текст; разные сопротивления со стороны тех, кто получает текст (прилагать усилия надо тогда, когда что-то может неадекватно воспринять посыл прагматекста) [1]. Прагматекст в идеале стремится к абсолютному охвату той аудитории, к которой в принципе он может быть адресован. В этом смысле ритуал является идеальной моделью. Первое условие любого ритуала это участие всех, невзирая на рубрикации ритуала (возрастные ритуалы, территориальные и т.д.). Как тип построения определенного культурного текста, ритуал прямо рассчитан на то, о чем писал и Тернер, - он охватывает всех и это и есть его идеал, его установка. Ритуал, собственно, тем и отличается от мифа, что миф описывает, записывает некие мифологические сюжеты или хотя бы мифологическую ситуацию, а

ритуал ее воплощает. Иначе говоря, он действует. Поэтому при известных спорах о том, что появилось раньше миф или ритуал, в общем, склонны предполагать, что оба они возникали синхронно. И все-таки ритуал, очевидно, опережал миф. Миф – это «членораздельное», дискурсивное, в какой-то степени, «логизированное» описание, в то время как ритуал – воплощение в действие [1]. Исходя из того факта, что ритуал – это явление коммуникации, нам необходимо рассмотреть его функционирование по хорошо известной схеме коммуникативной ситуации. Начнем с хронотопа.

Ритуал имеет как бы два варианта: в реале, в физическом пространстве ритуал, как правило, предполагает некое искусственно отгороженное пространство и искусственно выкроенное время, т.е. время и место ритуала никогда не может быть бытовым. Недаром противопоставляют священное, ритуализованное или ритуальное время обыденному, профанному, неритуализованному времени и месту. Отметим также, что время и место здесь как бы «выгороженные» и отличаются той особенностью, что это «все места» и «все пространство». Ритуал вбирает священные рощи, дубы, а потом уже и храмы. Он все равно предполагает, что это, конечно, не рощи, а модель мира. Храм упоминается не в смысле здания (вариант идолопоклонничества: здание воспринимается как самоценность), а как модель мира. Любой храм – это модель мира: в нем есть земля, в нем есть преисподняя, есть ад и т.д.

Как говорит Тернер, необходимость в ритуале возникает только тогда, когда коллектив посещает бытийная тревога [2]. Пока все движется в порядке нормы, по традиции, ритуалы не нужны. Как только возникает необходимость какого либо изменения, не важно какого: социального, возрастного, эротического, профессионального, коллектив начинает беспокоиться и здесь требуется ритуал. Возьмем к примеру горизонтальную схему «свои/ чужие». Ритуал нужен в том случае, когда вторгается нечто чужое. Как правило, необходимость ритуала возникает при условии пересечения границы, вторжения чужих или попадания к чужим. Отсюда возникает необходимость

каким-то образом восстановить гармонию. Возьмем дидактические тексты, которые не так очевидно ритуализованы.

Дидактические тексты нужны в том случае, если с позиции одной из сторон знаний не достаточно. Желательно катастрофически недостаточно. Дидактический текст призван восполнить эту недостаю. Тем более что еще никто не обучал человека, который знает, а всегда – невежду. Поэтому, задача дидактического текста это, во-первых, обнаружить все, чего адресат не знает, а во-вторых, вывести его на вершины знаний из этой бездны. Соответственно, в зависимости от схемы обучение будет актуализировать разные методические приемы. Например, дидактические тексты по иностранным языкам будут строиться преимущественно по схеме «свое/чужое». Здесь первоначально адресата все время будут указывать на то, что он не знает чужого, что ему и доказывают при помощи разного рода упражнений: вы не знаете чужой грамматики, вы не знаете чужого словаря, вы не знаете чужих обычаев. Таким образом видно, что первые задания дидактических текстов как раз рассчитаны на то, чтобы человек понял, чего он не знает. И здесь на передний план выходят те упражнения, которые условно можно обозначить «ловля в ошибке». Что такое подстановочный текст? С точки зрения ритуала – это классическая ловушка, загадка. Все упражнения на подстановку соответствуют классическим ритуальным загадкам, на которые адресату нужно предоставить правильную отгадку. Не говоря о том, что графический контекст упражнений с пробелами – это классический контекст лабиринта, графическая картинка западни, потому что адресат двигается в пустоту. И заполнив ее, выясняется, правильный путь потребитель выбрал или нет. Ключевые упражнения в этом смысле – ариаднина нить. Понятно, что психология студента, выполняющего подобного рода упражнения, очень быстро становится психологией глубоко встревоженного человека. Задача этих упражнений заключается в том, чтобы «выбить» студента из состояния уравновешенности и спокойствия. Они постоянно провоцируют студента на изменение состояния, т.е. они тревожат.

Возможен другой вариант. Первый подвариант – чужое постоянно нагнетается, а потом из него «выводят». Другой подвариант – движение от центра к периферии. Это работа по следующей модели: вам задается идеальный образец (будь – то грамматическая гармония, лексическая, краеведческая и т.д.). Но затем вас «уводят» из центра, где все стоит на своих местах, и «задают» координаты периферии, где и предлагаются вариации. Ваши периферийные вариации уже отличаются от заданных, но вам при этом надо работать по модели центра. А вариаций все больше и возможностей неправильных ответов тоже больше, отступление от модели все усложняется, и вы попадаете уже на границу, на периферию, где вы должны все время перемещаться от центра к периферии и наоборот. Все меньше и меньше вас охраняет модельный центр, все больше и больше в вас растет смятение. А по существу это почти то же самое, как в ритуале работает верх и низ. Здесь также существуют две возможности. Возможно задание на исправление ошибок (это движение от абсолютного низа, от непонимания, от перевернутого мира, в которое вас ввергают дидактические тексты). Вас сначала ввергают в неправильный мир для того, чтобы в конце вы подошли к абсолютному верху, к идеальному миру, к миру непререкаемых норм. И, наоборот, вам задают какие-то непререкаемые нормы уже в виде каких-то определенных правил, и потом оттуда вы начинаете «падать» в ошибки, а потом снова «подниматься», – т.е. следовать ритуалу. Вывод: любой дидактический текст построен на тревоге. Без тревоги, без тайной установки на ошибку он не работает [1]. Прагматика дидактических текстов заключается в равной мере в том, чтобы выявить или создать зону ошибок, зону тревоги и в том, чтобы потом из нее вывести. Если дидактические тексты не планируют возможности ошибок или вариантов, которые могут опасно приблизить к ошибкам (отступлений от нормативности, каноничности, верха и центра) – они не нужны. Зачем нужна дидактика, если заранее известно, что ошибки нет и быть не может. Таким образом, структура учебных текстов должна включать определенные маркеры, позволяющие вам выбрать правильный путь, правильное решение и вернуться к норме, к канону.

Обратимся к характерологическому контексту или к описанию участников коммуникативной ситуации. Учитель знает, что хаос в голове у ученика. С этого начинается обучение. Что-то он может и знает, но у него нет упорядоченного мира. Поэтому задача учителя – создать упорядоченный мир из «обрывков» и «осколков» в голове у ученика. Как это ни странно, но другой, чужой и низший – это ученик изначально. Все что связано с партнерством, связано с соучастием в дороге в хороший мир. Такого, чтобы учитель и ученик жили в одном упорядоченном мире, быть не может. Ученик должен обязательно жить в мире более «сниженном», более периферийном, менее престижном, чем учитель. В противном случае, это уже не собственно дидактические тексты, а диалогические тексты: беседы двух мудрецов, двух философов, когда два равных человека делятся мыслями и т.д. Дидактический текст иерархичен по своей природе, хотя может быть демократичен по способам подачи знаний.

По существу, в дидактическом тексте есть свой абсолютный хаос. Абсолютный хаос – это всегда тот, кто не хочет учиться. Вот он и вынесен за рамки, как и в ритуале, где хаос чаще всего существует за рамками. В принципе, в структуру дидактических текстов заложено сверхпространство антимира, где никто ничего не понимает, никто ничего не делает, все идут в неправильном направлении и, реальный ученик стоит как бы между двумя безднами: абсолютной неправильностью, вынесенной за пределы дидактического текста (но существующей) и абсолютной правильностью, которая задается образцовыми модельными фрагментами дидактических текстов, но ближе к которой стоит учитель. Здесь отчетливо проявляется общая для этих текстов тенденция: чем больше моделей задается в учебных текстах, тем меньше нужен учитель. Сам текст все проектирует. Более того, чем больше сами тексты вариативны, тем выше роль «проводника». А «проводник» и есть учитель.

У прагматических текстов есть текстовая особенность, которая заключается в том, что они всегда строятся на командах в прямой или скрытой

форме. При этом будет ли эта команда выражена в форме совета, подсказки, модальности пожеланий, тренировки вариативных ситуаций типа «что было бы, если...», все равно это команда, выраженная в скрытой форме. У нее есть один или несколько правильных ответов, и чем выше степень однозначности ответов, тем выше степень прагматичности текста. Например, моноответ на уровне слов (подсказка на уровне одной лексемы), подсказка формы, грамматической модели. Отсюда цель учебного текста – свести спектр выбора до минимума. В пределе, желательно, предоставить единственный оптимальный выбор, все остальные варианты значительно ниже по ценности. И статус адресата как раз будет прямо зависеть от того, насколько его выбор совпадет с идеальной моделью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова М.А. Спецкурс «Прагматические тексты в переводе» (электронная версия). – Симферополь: Таврический национальный университет, 2002.
2. Тернер В. Символ и ритуал: Пер.с англ./Вступ.ст. В.А.Бейлис. – М.:Наука, 1983. – 277с.